

ЛОБНОЕ МѢСТО ВЪ МОСКВѢ.

Кто изъ жителей Москвы не знаетъ Лобнаго мѣста на Красной площади; и кто не видалъ, во время крестныхъ шествій, вступленія на эту Голгоѳу Архипастыря съ духовенствомъ, съ запрестольными крестами и св. иконами, подъ сѣнію хоругвей, для вознесенія молитвъ и для благословенія города и народа? Кто изъ иногородныхъ не слыхалъ объ этомъ памятникѣ, единственномъ въ Россіи, существующемъ въ Москвѣ около четырехъ вѣковъ? Онъ уже давно утратилъ первоначальное свое значеніе въ жизни государственной и народной, но еще удержалъ одно религіозное, какъ священный амвонъ торжественныхъ молебствій. Вопреки свидѣтельству отечественной исторіи, народное преданіе выдаетъ его за эшафотъ, за позорище смертныхъ казней. И Словарь Россійской Академіи, не различающій, впрочемъ, Иерусалимскаго Лобнаго мѣста отъ Московскаго, утверждаетъ, что «здѣсь казнены были смертію преступники.» Исторіографъ, живописуя намъ ужасную эпоху казней при Иванѣ IV, говоритъ: «Въ смиреніи великодушномъ страдальцы умнѣрали на Лобномъ мѣстѣ,»¹ и это неоднократно повторяетъ, впрочемъ, безъ ссылокъ на источники. И преданіе, и Словарь, и Карамзинъ смѣшиваютъ Лобное мѣсто съ Лобною площадью, Лобнымъ рынкомъ,² какимъ, въ началѣ XVII вѣка, называлась Красная или Старая площадь въ Китай городѣ. Подлинное значеніе въ жизни государственной Лобнаго мѣста откроется намъ изъ отечественныхъ и чужестранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ.

¹ Карамз., И. Г. Р., IX, 437.

² Подлинныя свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ, преимущественно во время Самозванцевъ, изд. П. Муханова. М. 1834 г., въ 8, стр. 203.

Въ этомъ памятникѣ и названіи его представляется намъ подобіе Іерусалимскаго Лобнаго или Краніева мѣста, Голговы, и значеніе Еврейской Гаввааы или Лиоостротона, т. е., возвышенія, вымощеннаго камнемъ; на послѣдней тамъ объявляли приговоръ обвиненному, а на первомъ исполняли. Въ Московскомъ Лобномъ мѣстѣ соединено значеніе Іерусалимскаго Краніева мѣста и Лиоостротона; ибо оно, какъ подобіе крестнаго жертвенника, освящалось молебствіями и благословеніями Святителей и вмѣстѣ было судейскимъ Трибуналомъ и Царскимъ трономъ и кафедрою. Въ святомъ градѣ оно занимало свое имя, какъ полагаютъ, или отъ сходства холма со лбомъ, краніемъ (черепомъ человѣческимъ), или отъ поверженныхъ тамъ череповъ, или, по преданію всего Востока, отъ Адамовой головы, тамъ погребенной.³ Въ Москвѣ оно сооружено на взлобѣ горы въ Китай городѣ, у позорища казней, на Лобной площади, гдѣ также валялись лбы (голова) преступниковъ. Такимъ образомъ здѣсь одно напоминало о правосудіи Божественномъ, другое о правосудіи человѣческомъ. Какъ въ Іерусалимѣ Лобное мѣсто возвышалось предъ одними изъ шести воротъ городскихъ, за коими, по исконному обычаю на Востокѣ, исполнялись приговоры суда,⁴ такъ и въ Москвѣ оно сооружено предъ одними изъ шести главныхъ воротъ Кремля, именовавшихся прежде Іерусалимскими, отъ смежной съ ними церкви Іерусалимъ, т. е., Входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ.⁵ Какъ въ этомъ священномъ памятникѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, очевидно подражаніе святымъ мѣстамъ Іерусалима. Московскіе Великіе Князья и Цари, получая свѣдѣніе объ нихъ отъ Святителей, паломниковъ и зодчихъ, хотѣли видѣть въ своей столицѣ подобіе и названіе такихъ памятниковъ.

Съ религіознымъ значеніемъ Лобнаго мѣста соединено государственное и административное: въ актахъ иногда оно именуется Царевымъ, безъ сомнѣнія, по тому, что съ него возвѣщался судъ Царевъ, который почитали выраженіемъ воли Божіей. Воля

³ Dictionnaire histor., crit., chronol. etc., de la Bible, par Dom. Calmet, t. II, 1783, à Toulouse, in 8.

⁴ Въ древности на Востокѣ судъ и расправа бывали предъ городскими воротами. Этому примѣръ находимъ въ Библии. Второзак. XXI, 19, XXV, 7.

⁵ Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, Спб., 1832 г., III, 27.

Божія, гласила старинная пословица съ XVI вѣка, а судъ Царевъ. Оно бывало свидѣтелемъ сближенія Царя съ народомъ; на него восходилъ Государь, чтобы говорить подданнымъ своимъ. Это было его каведра, его трибуналъ.

Приведемъ здѣсь свидѣтельство изъ отечественныхъ и чужестранныхъ источниковъ о подлинномъ значеніи Лобнаго мѣста.

На Годуновскомъ чертежѣ Москвы такъ объясняется этотъ амвонъ городской: «Налобное мѣсто, или возвышенный помость, конклавъ, построенный изъ кирпича; тамъ во дни молебствій Патриархъ возглашаетъ нѣкоторыя молитвы, также объявляются Царскіе указы.»⁶ По свидѣтельству Майерберга, «тамъ совершались торжественно священные обряды, обнародывались Царскіе указы и Царь, или бояринъ его, обращалъ слово свое къ народу.» По этому и Олеарій называетъ Лобное мѣсто *Theatrum proclamationum*. Польскіе Послы, въ донесеніи своемъ къ Королю 1671 г., при описаніи этого мѣста, замѣчаютъ, между прочимъ, что здѣсь Государь однажды въ годъ являлся предъ народомъ, и когда минетъ Наслѣднику его 16 лѣтъ, объявлялъ его подданныхъ своимъ. Это подтверждаетъ съ нѣкоторою подробностію и Англійскій Докторъ Царя Алексѣя Михайловича, С. Коллинсъ: «Царевича,» замѣчаетъ онъ; въ сочиненіи своемъ о Россіи, «ни народъ, ни дворянство не видятъ до пятнадцати лѣтъ его возраста; но когда ему исполнится 15 лѣтъ, онъ является предъ народомъ; его несутъ на плечахъ и ставятъ на возвышенное мѣсто (Лобное) на площади, чтобы предохранить государство отъ Самозванцевъ, которые часто возмущали Россію.»⁷

Такими дѣйствіями оправдывается названіе Лобнаго мѣста Царевымъ.

Никто изъ приведенныхъ нами свидѣтелей не говоритъ о совершеніи казней на Царевомъ мѣстѣ; да и могло ли быть допущено

⁶ См. въ Памятникахъ Московской древности (И. Саегирева); на чертежѣ Москвы читаемъ надпись надъ Лобнымъ мѣстомъ: «Nalobne mest, conclave, seu coenaculum e latere exstructum, in quo Patriarcha diebus supplicationum nonnullos canit cantus, etiam servit publicis promulgationibus.»

⁷ The present state of Russia. London, 1671, in 8, m. См. Русскій переводъ этого сочиненія П. В. Кирѣевскаго въ «Чтеніяхъ въ М. О. И. и Др. Росс.» М., 1846, N 1.

благоговѣніемъ Царя и царода къ этому мѣсту, напоминающему крестную смерть Спасителя міра, чтобы попирали его палачъ и преступникъ? Могъ ли обогряться преступною кровью этотъ амвонъ, на который Святитель восходилъ съ святынею, для принесенія торжественныхъ молитвъ, моленій и благодареній Богу, а Царь, для объявленія своей воли подданнымъ?

При первомъ взглядѣ на Лобное мѣсто, представляется намъ первый вопросъ: когда и по какому случаю сооружено оно въ Москвѣ, среди городского торговаго, куда обыкновенно сходится народъ съ четырехъ улицъ, смыкающихся здѣсь въ крестецъ? Вѣроятно, тамъ собирався народъ на вѣче, которое было на Москвѣ въ XIV вѣкѣ, при нашествіи Тохтамыша въ 1382 г., когда Великій Князь оставилъ съ дворомъ своимъ Москву, а народъ, выпустивъ изъ города Митрополита съ боярами, позвонилъ во всѣ колокола къ вѣче, чтобы на немъ, по древнему праву Русскихъ гражданъ, рѣшить судьбу свою большинствомъ голосовъ.⁸ Позорищемъ такого сонма, конечно, былъ торгъ, который, какъ совокупность народа, проявлялъ юридическую и административную дѣятельность. Какое жъ мѣсто приличіе и удобіе было для вѣча, какъ не предъ городскими воротами, на крестцѣ, гдѣ въ послѣдствіи воздвигнуто Лобное мѣсто? Исторія на это не даетъ рѣшительнаго отвѣта; послушаемъ дополняющее этотъ въ ней пробѣлъ преданіе, народную четью (легенду). Москвѣ, въ началѣ XVI вѣка, угрожало гибельное нашествіе Магмента-Гирея, какъ заключаетъ четья, за беззаконія, въ ней умножившіяся. Одна благочестивая монахиня Вознесенскаго монастыря, чудесно получившая прозрѣніе послѣ долговременной слѣпоты, видѣла, какъ соборъ Святителей Московскихъ, съ чудотворною иконою Божіей Матери Владимирскія, выходилъ изъ Фроловскихъ (нынѣ Спасскихъ) воротъ; на встрѣчу имъ явились Преподобные Варлаамъ Хутынский и Сергій Радонежскій у того мѣста, гдѣнынѣ Лобное, и молили ихъ не оставлять отечественнаго города на жертву врагамъ. Святители, внявъ молитвѣ святыхъ ревнителей о благѣ Россіи, совершили съ ними молебствіе предъ надворотною иконою Спасителя и потомъ возвратились въ свое мѣсто, а Татары вскорѣ побѣжали изъ предѣловъ Московскаго Государства.⁹ Въ память такого чуда,

⁸ Карамз., И. Г. Р., V, 81, пр. 91.

⁹ Исторія Сибирская, А. Лызлова, изд. 2., Н. Новикова, 3 ч. М., 1787 г., въ 8.

вѣроятно, изображены на иконѣ Спасителя, осѣняющей Спасскіе ворота, Преподобные молитвенники у ногъ Его въ моленіи, а на обратной сторонѣ этого главнаго входа въ Кремль написана Божія Матерь съ Святителями Московскими, Петромъ и Алексіемъ. Изображеніе на иконѣ Спасителя Преподобныхъ Сергія и Варлаама должно относиться къ царствованію Ивана Васильевича, который имѣлъ къ нимъ особенное благоговѣніе, потому что при Св. мощахъ одного былъ крещенъ и ему порученъ родителями своими, а Св. мощи другаго до того устрашили грознаго Царя явившимся изъ раки ихъ пламенемъ, что онъ бѣжалъ изъ церкви и бросилъ жезлъ свой. Видѣніе чудесной встрѣчи Святителей съ Преподобными на мѣстѣ Лобнаго помоста и совокупнаго ихъ моленія предъ Св. Иконою на Спасскихъ воротахъ было одною изъ причинъ введенія обычая проходить чрезъ сіи ворота съ непокровенною головою.

Посвященное совершенію нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ, Лобное мѣсто усвоило себѣ религиозное знаменованіе. Издревле и до нынѣ тамъ крестные ходы останавливаются въ шествіи своемъ, и Архіерей съ запрестольными крестами и св. иконами восходитъ на Лобное мѣсто, тогда обставляемое хоругвями, и, послѣ сугубой ектеніи, осѣняетъ предстоящихъ животворящимъ крестомъ на четыре стороны. Не прежде XVI вѣка, сталъ извѣстнымъ въ Москвѣ одинъ изъ самыхъ торжественныхъ и великолѣпныхъ обрядовъ церкви: то было, въ подражаніе входу І. Христа во Іерусалимъ, въ Вербное Воскресеніе шествіе на ослати Московскаго Святителя. До литургіи ходъ, извѣстный подъ названіемъ ходъ Іерусалима, отправлялся изъ Успенскаго Собора черезъ Спасскіе ворота къ церкви въ Покровскомъ Соборѣ: Входъ въ Іерусалимъ. Облеченный Святительскимъ саномъ, Патріархъ, оттуда съ освященнымъ соборомъ, въ сопутствіи Царя и его свиклита, въ преднесеніи запрестольныхъ крестовъ, св. иконъ и хоругвей, слѣдовалъ на Лобное мѣсто, и тамъ раздавалъ освященные имъ вербы и ваи Царю, Архіереямъ, Боярамъ, Окольниковымъ и Думнымъ людямъ.¹⁰ Въ продолженіи чтенія Евангелія Протодіакономъ, приводили къ подножію Лобнаго амвона бѣлаго коня, снаряженнаго на подобіе осла; сѣвши на него бокомъ, Патріархъ съ

¹⁰ Древняя Росс. Визіювка, VI, 122; XI, 55.

ходовымъ Евангеліемъ въ одной рукѣ и съ на престольнымъ крестомъ въ другой, ѣхалъ черезъ Спасскія ворота къ Успенскому Собору, ослѣ вель за поводъ самъ Царь, иногда Бояринъ. На пути шествія Святителя (то было на пространствѣ 234 сажень) сто отроковъ постилали красныя сукна ¹¹ и, по примѣру Еврейскихъ дѣтей, сръбтавшихъ І. Христа въ шествіе его въ Іерусалимъ, бросали къ стопамъ Іерарха одежды съ себя. Въ этомъ шествіи везли на великолѣпныхъ саняхъ бѣлые кони огромную вербу, обвѣшенную искусственными цвѣтами и плодами. Предъ Патріярхомъ и Царемъ подьяки большихъ и меньшихъ станицъ пѣли Евангельскіе стихи, позади ихъ пѣвчіе праваго и лѣваго крылоса попеременно повторяли сіи стихи; голоса ихъ сливались со звономъ колоколовъ. На Спасскомъ мосту, у Спасскихъ воротъ, стояли шесть кадокъ съ богатоубранными вербами и при нихъ малые пѣвчіе. По приближеніи Святителя, они восклицали: «Осанна! Благословенъ грядый во имя Господне!» Такое святолѣпное шествіе останавливалось у южныхъ дверей Успенскаго Собора, въ которомъ Патріярхъ служилъ божественную литургію. Совершенно другой видъ представляло исполненіе этого священнаго обряда въ 1611 году. Жители Москвы хотя и желали видѣть совершеніе священнаго обряда въ Цвѣтоносную недѣлю, но весьма немногіе собрались на площадь отъ страха грозившей имъ смерти. Изъ Исторіи не видно, восходилъ ли на Лобное мѣсто Патріярхъ Гермогенъ; но онъ, какъ плѣнникъ, подъ стражею вооруженныхъ Поляко-Литовцевъ и Нѣмцевъ, ѣхалъ въ Кремль, гдѣ его ожидала томительная смерть.

Съ кончиною послѣдняго Патріярха прекращено отправленіе такого обряда въ Цвѣтоносную недѣлю; но воспоминаніе о немъ сохранилось въ ежегодной выставкѣ и продажѣ вербы около Лобнаго мѣста въ Лазареву субботу и въ каретномъ гуляньѣ по Лобной площади, которое началось съ царствованія Анны Ивановны.

Всероссійскіе Митрополиты и Патріярхи, по вступленіи своемъ на Святительскій престолъ, по три дня шествовали на ослѣти вокругъ города и съ Лобнаго мѣста преподавали благословеніе паствѣ своей.

По освобожденіи Москвы въ 1612 году отъ Поляко-Литовцевъ, Воеводы Русскіе, Князь Пожарскій и Трубецкой, изъ Бѣлаго города

¹¹ Книга расходная по Патріяршему Приказу, 7135 и 7182 г., N 570.

двинулись съ воиствомъ въ Китай городъ къ Лобному мѣсту, гдѣ вышли изъ Кремля на встрѣчу къ нимъ, съ чудотворной иконой Владимирскія Божіей Матери и другими святынями, томившіеся въ долговременномъ плѣну Архіепископъ Элассонскій, Арсеній, и нѣкоторыя духовныя особы. Освобожденные съ освободителями, совершивъ на Лобномъ мѣстѣ благодарственное молебствіе съ отрадными слезами, вступили въ Кремль, очищенный отъ враговъ. Русскіе за были претерпѣнныя ими бѣдствія, при видѣ отечественныхъ святынь, которыхъ они уже не чаяли найти. ¹²

Сколько разъ эта Московская Голгова была свидѣтельницей судьбъ Божіихъ! Въ 1606 году, при подножій ея, на площади, поверженъ былъ, на позоръ и поруганіе, обезображенный трупъ Лжедмитрія, а вскорѣ потомъ, на вершинѣ Лобнаго мѣста поставлены были для чествованія и поклоненія Св. мощи порфиророднаго мученика, Царевича Дмитрія, принесенныя въ Москву изъ Углича, и мощи священно-мученика Филиппа II, возвращенныя Москвѣ изъ Соловецкаго монастыря, и тамъ, въ присутствіи Литовскихъ Пословъ, исцѣлили одну недужную дѣвицу. ¹³ Думалъ ли Никонъ, тогда еще Митрополитъ Новгородскій, сопровождавшій святыя останки Филиппа, что его постигнетъ такая же почти судьбина, какая постигла его предидѣльника на Іераршескомъ престолѣ?

Никонъ, уже Патріархъ Московскій, въ 1654 году, встрѣтивъ съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ на Лобномъ мѣстѣ, присланные отъ Константинопольскаго Патріарха, чудотворный образъ Влахернскія Божіей Матери и главу Св. Григорія Богослова, послѣ молебна, осѣнилъ ими Богоспасаемый градъ. ¹⁴ Здѣсь же онъ напутствовалъ своимъ благословеніемъ Царя Алексія Михайловича, ополчавшагося на войну съ враждебною Польшею, для возвращенія своей державы древнихъ Русскихъ городовъ: Вязьмы, Дорогобужа и Смоленска. По возвращеніи своемъ изъ Польскаго похода въ 1655 году, Царь имѣлъ торжественное шествіе на то же самое мѣсто, съ коего получилъ Святительское благословеніе. Тамъ съ престынымъ ходомъ встрѣтили и привѣтствовали его три Патріарха, Антиохійскій, Іеру-

¹² Лѣтопись о многихъ мятежахъ. Спб., 1772 г., въ 8.

¹³ Акты Археограф. Экспедиціи, т., IV, 492.

¹⁴ Дворцовыя разряды. Спб. 1852 г., 111, 376.

салимскій и Московскій. Многіе отроки, держа въ рукахъ листы, возглашали хвалебныя пѣсни побѣдителю. Тамъ Царь, положивъ три поклона великому образу на Спасскихъ воротахъ и облобызавъ поднесенный ему Патріархомъ животворящій крестъ, указавъ Ближнему Боярину спросить о здоровьѣ народа, стѣснявшагося около Царева мѣста: «весь міръ въ землю челомъ ударили и Царскому Величеству многолѣтствовали.»¹⁵

Въ тройственное царствованіе, 1687 года, собралось въ походъ Русское воинство въ Москвѣ на защиту Кіева и Литовской украины отъ Турокъ. Тогда Патріархъ Іоакимъ, благословивъ его съ Лобнаго мѣста, возложилъ на военачальниковъ его, Князей Черкаскаго и Долгорукова, въ напутствіе животворящій крестъ и образъ Преподобнаго Сергія.¹⁶

И въ наше время на этомъ лиоостротонѣ молебствовали среди напастей, постигавшихъ древнюю столицу. Послѣ ея разгрома въ 1812 году, когда еще стогны ея покрывалъ свѣжій пепелъ и не остыли слѣды враговъ, она представляла необозримое пожарище, дышащее сирадомъ. Наступила жестокая зима. Въ первый день послѣдняго мѣсяца 1812 года, Преосвященный Августинъ, къ утѣшенію пострадавшихъ Москвичей, освятилъ Покровскій Соборъ въ Китай городѣ и, послѣ водосвятія на Лобномъ мѣстѣ, окропивъ Св. водою городъ на всѣ четыре стороны, возгласилъ: «Вседѣйствующая благодать Божія кропленіемъ Св. воды освящаетъ градъ сей, богоненавистнымъ въ немъ пребываніемъ врага нечестиваго, врага Бога и человѣковъ, оскверненный.»¹⁷ Черезъ 18 лѣтъ послѣ того, явился въ Москвѣ тайный, но опасный, врагъ, похищавшій сотнями людей каждый почти день. Это была невѣдомая дотолѣ холера; она поселила въ городѣ ужасъ и уныніе, всѣ страшились внезапной смерти, многіе готовились къ ней, напутствуя себя Св. таинствами. Городъ былъ оцѣпленъ, по улицамъ тянулись возы съ умершими и умиравшими, на дворахъ курился навозъ и можжевелникъ. Самые врачи въ недоумѣніи своемъ, заразительная ли это болѣзнь,

¹⁵ Собраніе Государствен. грамотъ, III, 540.

¹⁶ Древняя Росс. Вивлюенка, изд. 2, т. XI.

¹⁷ Очерки жизни Москов. Архіепископа Августина, писав. И. Снегиревымъ. М. 1848 г., въ 8.

цди нѣтъ, предлагали было начальству окуривать всё товары въ городѣ; но предусмотрительное благоразуміе Московскаго Архипастыря спасло купечество отъ огромнаго разоренія, а столицу отъ опасныхъ послѣдствій, къ какимъ могли бы привести подобныя мѣры. Въ такое скорбное и смутное время, когда приходскіе священники заняты были отправленіемъ требъ надъ больными и умершими, Митрополитъ Московскій, Филаретъ, съ одними монашествующими, совершилъ въ день Преподобнаго Сергія, 25 Сентября, крестное хожденіе, и на Лобномъ мѣстѣ съ колѣнопреклоненіемъ вознесъ молитву Спасителю объ отвращеніи напастей и преподавъ народу отрадное благословеніе. Вскорѣ городъ освобожденъ былъ отъ стѣснительнаго для него оцѣпленія.

Въ общественной и государственной жизни это сборное мѣсто было свидѣтелемъ не однихъ священнодѣйствій, не однихъ Святительскихъ благословеній Царю, воинству и народу, но и позорищемъ народныхъ совѣщаній и даже словопрѣній о дѣлахъ вѣры и благочестія. Въ 1682 году, раскольниковъ, подъ предводительствомъ ересемачальника, Никиты Пустосвята, требовали Собора на Лобномъ мѣстѣ, въ присутствіи Патріарха, Царей Іоанна и Петра, и Царицы Наталіи Кирилловны. Послѣ тщетныхъ состязаній о старой вѣрѣ въ Грановитой палатѣ съ Патріархомъ Іоакимомъ и Царевною Софіей, сепаратисты самовольно вошли на городскій амвонъ съ своими иконами, книгами, налоями и зажженными свѣчами въ рукахъ и съ камнями за пазухой, и тамъ читали во всеуслышаніе собравшемуся на площади народу защищеніе своихъ вѣрованій и опроверженіе мнимыхъ пововведеній Никона Патріарха въ Православную Церковь.¹⁰ Этотъ фактъ обнаруживаетъ намъ, какое значеніе народъ давалъ Лобному мѣсту.

Какъ религіозная жизнь на святой Руси издревле составляла тѣсный союзъ съ жизнію государственною и народною, то и Лобное мѣсто соединяло въ себѣ не только религіозное, но и государственное, значеніе. На страницахъ Отечественннй Исторіи оно появляется въ первый разъ 1549 года, когда Царь Иванъ Васильевичъ, послѣ ужаснаго пожара и бунта въ Москвѣ, отслушавъ на Лобномъ

¹⁰ Исторія Русской Церкви, Преосв. Филарета, Архіеп. Черниговскаго. Періодъ Патріаршій. Рига, 1847 г., стр. 155 — 159.

мѣстѣ молебень, въ присутствіи Всероссійскаго Митрополита, Макарія, говорилъ народу о причинахъ бѣдствій въ государствѣ, винилъ во всемъ Бояръ и далъ торжественное обѣщаніе охранять народъ отъ притѣсненія и грабительства, быть его судьей и защитникомъ. Въ эпоху казней 1570 г. на Лобномъ мѣстѣ раздались грозныя слова раздраженнаго Іоанна—предвѣстники лютыхъ мукъ и ужасныхъ казней. Горожане отъ страха было разбѣжались; но всполошный колоколъ и опричники согнали ихъ на городскую площадь къ этому трибуналу. Царь громогласно спросилъ: «Народъ! увидишь муки и казни; но я караю измѣнниковъ. Отвѣтствуй мнѣ: правъ ли мой судъ?» Подобострастная толпа воскликнула: «Да живетъ многія лѣта Государь великій и да погибнуть измѣнники!»¹⁹ Тогда уже предъ Лобнымъ мѣстомъ, висѣлицы, плахи, пылавшіе костры, кипѣвшая въ котлахъ вода, желѣзные рожны и колья готовы были принять обреченныхъ на мучительную смерть; кровожадные палачи только ждали жертвъ и мановенія для исполненія приговоровъ. Такая же почти сцена повторилась тамъ въ царствованіе Петра I, когда онъ казнилъ крамольныхъ Стрѣльцовъ и подозрительныхъ для себя приверженцевъ къ первой его супругѣ и первому его сыну. И тогда также Красная площадь представляла человѣческую бойню, достойную кисти Каллота. Лобное мѣсто обставлено было воткнутыми на рожны головами, между коими виднѣлась и сѣдая голова Ростовскаго Архіерея, Досифея, висѣлицами, на коихъ долго мотались трупы, столпами съ колесами, на коихъ положены были колесованные. На Лобной площади валялись растерзанныя на части тѣла человѣческія, земля увлажнена была кровью человѣческою. Не прежде, какъ въ 1727 году, по указу Петра II, сняты были стоявшія тамъ висѣлицы и столпы съ колесами.

Въ бурные дни Московскаго Государства, на Лобномъ мѣстѣ гонцы отъ Лжедмитрія прочли исполненныя лести и коварства письма этого клеветы Езуитовъ. Ослѣпленная чернь повѣрила имъ, вѣроломные Бояре подтвердили. Даже любимецъ Царя Ивана Васильевича, Богданъ Бѣльскій, снявъ тамъ съ груди своей образъ Николая Чудотворца, поцѣловалъ его въ удостовѣреніе, что Лже-

¹⁹ Карамз., И. Г. Р., т. VIII, 87—113.

дмитрій истинный сынъ Ивановъ. Провозгласивъ на Царевомъ мѣстѣ Самозванца Царемъ, цѣловали ему крестъ въ вѣрности, вопреки присягѣ, данной Годунову; когда жъ обманъ обличился и заблужденіе открылось, тогда изувѣченный Лжедмитрій просилъ у судей своихъ, какъ милости, нести его на Лобное мѣсто. «Тамъ,» говорилъ онъ, «тамъ я объявлю вамъ всю правду предъ народомъ.» Но разсвирѣпѣвшая толпа не вняла его просьбѣ и повлекла уже бездушный его трупъ изъ Кремля къ подножію Лобнаго мѣста, на позоръ и поруганіе. ²⁰

Съ позорною смертью Отрепьева не кончились Самозванцы; они появлялись одинъ за другимъ; Церковь сиротѣла безъ Святителя, смятенное государство безъ Царя. На Лобномъ мѣстѣ собрался весь свиклать, духовенство, всякіе чины Московскаго Государства и весь народъ отъ мала до велика. На предложеніе объ избраніи Патріарха отвѣчали: «Напередъ Патріарха да изберется Царь на царство. ²¹ Нельзя быть Русской землѣ ни на малое время безъ Государя.» Не созвавъ еще государственныхъ чиновъ изо всѣхъ Русскихъ областей, народъ поспѣшилъ избрать Царемъ Василя Шуйскаго; при звукѣ литавръ, трубъ и колоколовъ, торжественно повелъ его на Лобное мѣсто, гдѣ онъ и нареченъ на царство и гдѣ въ послѣдствіи объявленъ лишеннымъ царства. Насильственно туда привлеченный, Патріархъ Гермогенъ смѣло обличалъ ихъ въ клятвопреступленіи и измѣнѣ Царю, но голосъ старца заглушенъ былъ криками измѣнниковъ. «И тѣ рѣчи, пишетъ самъ Гермогенъ въ посланіи своемъ, «были у насъ на Лобномъ мѣстѣ.» ²²

Такимъ смутамъ и неурядицамъ въ Государствѣ положенъ конецъ на Лобномъ же мѣстѣ избраніемъ на царство Михаила Феодоровича Романова. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній духовенства, бояръ и чиновъ на Троицкомъ подворьѣ въ Кремлѣ, посланъ былъ оттуда на городскій амвоу Рязанскій Архіепископъ, Феодоритъ, и Бояринъ Морозовъ возвѣститъ собравшемуся народу объ избраніи Михаила.

²⁰ Арцыбышева, Повѣствованіе о Россіи, т. III, кн. 5.

²¹ Рукопись Филарета, Патріарха Московскаго и всея Россіи. М. 1837 г., въ 8.

²² Новый лѣтописецъ, составленный въ царствованіе Михаила Феодоровича, изд. Кн. М. А. Оболенскимъ. М. 1853, въ 8.

При этомъ извѣстїи, народъ воскликнулъ единогласно: «Да будетъ Царь и Государь Московскому Государству и всей Московской державѣ!»²³

Тамъ явился Царь Алексѣй Михайловичъ, когда чернь возстала противъ Бояръ и когда молва разгласила, «будто они продали Москву иностранцамъ.» Кроткій Государь успокоилъ народъ милостивымъ и ласковымъ словомъ.

Изъ этихъ фактовъ открывается намъ высокое значеніе, какое имѣло Лобное мѣсто не только въ религіозной, но и въ государственной и народной жизни, какъ священное по совершавшимся на немъ священнодѣйствїямъ, и какъ Царево, по сближенію Царя съ народомъ и народа съ Царемъ. Въ такомъ отношенїи этотъ памятникъ Русской старины достоинъ особеннаго вниманїя и уваженїя потомства. Это наша голгова и вмѣстѣ гаввава: одна по благоговѣйному воспоминанію о крестной смерти Спасителя міра, другая, по судебнымъ приговорамъ и указамъ, кои здѣсь объявлялись и обнародывались, подобно какъ на Іерусалимскомъ лиоостротонѣ. Это было нѣкогда Царскимъ трономъ и каедрою; ибо когда Царь входилъ туда для моленїя съ крестнымъ ходомъ, или для объявленїя воли своей народу и для милостиваго привѣта, тогда ставили тамъ Царское мѣсто, обитое серебромъ съ золотою бахрамой.²⁴

Что жъ касается до смертныхъ казней, то, какъ мы уже сказали, онѣ производились не на Лобномъ мѣстѣ, а на примыкающей къ нему Лобной площади, нынѣ Красной. Это подтверждается не однимъ только преданїемъ и мѣстнымъ соображенїемъ, не одними свидѣтельствами иностранныхъ писателей, но даже указомъ 1685 г., Февраля 5-го, имъ повелѣвается «совершать казни надъ преступниками у Лобнаго мѣста на площади предъ Спасскими воротами.»²⁵ Тогда предъ этимъ мѣстомъ ставили высокій срубъ, или эшафотъ, на коемъ, по объявленїи приговора, казнили. Такъ въ эпоху казней 1718 года:

²³ Книги рукоп. съ картинами о взбранїи на превысочайшїй престолъ великаго Россійскаго царствїа Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича, въ листъ. Въ Главн. Моск. Архивѣ Мин. Иностр. Д., N 10.

²⁴ Алфавитный реестръ разнымъ Царскимъ древнимъ вещамъ съ 1615 по 1704 года. Рукоп. въ Главномъ Москов. Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ, въ листъ.

²⁵ Полное Собранїе Законовъ Р. И., N 466.

на высокомъ срубѣ выставленъ былъ деревянный щитъ съ начертаніемъ именъ преступниковъ, «приговоренныхъ къ лютейшимъ смертнымъ казнямъ, дабы смотря на нихъ казнились въ совѣсти всѣ такіе злоторцы.»

Такъ въ одной старинной пѣснѣ изображается казнь опального Князя:

Какъ звели Князя на срубъ высокъ,
 На его мѣсто показанно.
 Онъ молился Спасу чудному образу,
 Онъ на все стороны кланяемъ:
 Ахъ! прости, прости мѣръ и народъ Божій,
 Помолитесь за мои грѣхи,
 За мои грѣхи тяжкіе.
 Не усилъ народъ воззрѣти,
 Какъ отскла буйну голову,
 По его плеча могучія. ²⁰

Въ Февралѣ 1723 года бирючи созвали народъ смотрѣть казнь одного Сенатора, нарушившаго законы. Преступникъ въ сопровожденіи конвоя привезенъ былъ на простыхъ саняхъ изъ Преображенскаго на Лобную площадь предъ Трибуналь; на немъ была старая ветхая шуба, на лысой головѣ парикъ; съ Лобнаго мѣста прочли ему приговоръ, осуждавшій его на смертную казнь; звели на срубъ, сняли съ него шубу и парикъ. Помолясь на церковь Василия Блаженнаго, онъ сталъ на козлы и положилъ голову на плаху; палачи протянули ему ноги; одинъ изъ нихъ, взмахнувъ надъ его головою большимъ топоромъ, ударилъ имъ по плахѣ; при чемъ преступнику объявлено Макаровымъ отъ имени Государя, за услуги Государству, вмѣсто смертной казни, ссылка въ Сибирь. Такая милость оказана была Петромъ I-мъ Вице-Канцлеру, Сенатору, Барону Шафирову. Такъ передаетъ намъ очевидецъ тому Берггольцъ.

Въ царствованіе Екатерины II, въ послѣдній разъ поставленъ былъ такой срубъ, или эшафотъ, предъ Лобнымъ мѣстомъ, для наказанія политическою смертію одного дворянина, Истомина, за поддѣлку крѣпостныхъ актовъ. По прочтеніи тамъ указа, палачъ звелъ

²⁰ Новое и полное собраніе Россійскихъ пѣсень, изд. Н. Новикова. М. 1780 г., ч. II, стр. 148.

преступника въ мундирѣ; поставивъ его на колѣни, передомиль надъ его головою шпагу и ударилъ его по щекѣ. Но преступникъ, не стерпѣвъ такого безчестія, вдругъ вскочилъ и такъ ударилъ палача, что тотъ черезъ загородку эшафота упалъ на площадь: печальное позорище превратилось въ смѣшное. ²⁷

Съ преобразованиемъ быта государственнаго, Лобное мѣсто утратило прежнее свое политическое значеніе, но сохранило одно религіозное; теперь оно уже не оглашается ни Царскими указами, ни смертными приговорами, ни предсмертными криками и стопами казненныхъ на площади подножія его, но только молебными пѣснопѣніями священнослужителей. Въ Лазарево Воскресенье оно окружается натуральными и искусственными вербами; на вербу туда съходятся и съѣзжаются Московскіе жители, какъ на гулянье. Въ послѣдніе дни Страстной недѣли тамъ разставляются столы и лавки съ куличами, пасхами и крашеными яйцами, кои покупаются къ Свѣтлому дню.

Къ сѣверной сторонѣ этого зданія примыкало старинное кружало или, такъ называемый, кабакъ подъ пушкою, потому что, по свидѣтельству Олеарія, еще въ XVII вѣкѣ, «подлѣ него лежали на землѣ двѣ огромныя пушки, обращенныя на ту улицу, по которой обыкновенно Татары дѣлали нападенія на городъ.» Прежде Лобное мѣсто обставлено было лавочками, скамьями, дарями и кадами съ яшнымъ квасомъ; тамъ продавались сайки, калачи, крендели. Но кто бы могъ подумать, чтобы хлѣбники и калачники являлись совопросниками въ дѣлахъ Церкви? Архимандритъ Троицкой Сергіевой лавры, Св. Діонисій, не находя ни въ Греческихъ подлинникахъ, ни въ древнихъ Славянскихъ переводахъ Потребника, молитвенныхъ словъ при освященіи воды Богоявленской, «и огнемъ», исключилъ ихъ. За это возсталъ съ ожесточеніемъ противъ него невѣжество. Хлѣбники и калачники возопили: «Онъ еретикъ, хочетъ вывести огонь изъ міра! Чѣмъ же намъ будетъ печь хлѣбы и калачи?» Невиннаго страдальца за истину, послѣ уже признанную, возили по городу въ рубищѣ, въ цѣпяхъ, на клячѣ, посаженнаго лицомъ къ ея хвосту. Калашники и хлѣбники осыпали его ругательствами, бро-

²⁷ Преданіе очевидца, Профессора Страхова.

сали въ него чѣмъ попало и едва было не убили до смерти. ²⁸ Спокойное и свѣтлое лице мученика не могло обезоружить ожесточенныхъ невѣждъ.

Наконецъ перейдемъ къ внѣшности Лобнаго мѣста. Въ XVII вѣкѣ оно было кирпичное съ деревянною рѣшеткой, которая запиралась желѣзнымъ засовомъ; ²⁹ потомъ имѣло навѣсъ, или шатеръ, на столбахъ. Въ послѣдствіи оно обветшало; въ 1786 году построено вновь на казенное иждивеніе, по прежнему плану, изъ дикаго тесанаго и бѣлаго камня, ³⁰ и въ такомъ видѣ осталось до нашихъ временъ. Возвышенный круглый помостъ его огражденъ каменными перилами; въ западной его части входъ съ желѣзною рѣшеткой и дверью; одиннадцать ступеней ведутъ на верхнюю площадку съ трехстепеннымъ амвономъ.

Въ прошломъ столѣтіи Московское купечество, изъ уваженія къ этому священному для древней столицы памятнику, вызывалось было устроить здѣсь куполь и поставить тамъ огромный крестъ съ изображеніемъ Св. мѣстъ во Иерусалимѣ и страстей Христовыхъ, нынѣ находящійся въ Соборной церкви Московскаго Стрѣтенскаго монастыря; но этотъ проектъ, представленный купечествомъ городскому начальству, остался, неизвѣстно по чему, безъ исполненія. ³¹

Въ текущемъ столѣтіи Лобное мѣсто очищено отъ кабака подъ пушкою, отъ лавочекъ и прилавокъ, но еще не ограждено, подобно памятнику Пожарскому и Минину, для соблюденія приличной ему чистоты и опрятности. Позволимъ себѣ надѣяться, что Московское купечество, ревнующее о возстановленіи и украшеніи священныхъ памятниковъ вѣры и благочестія, не оставитъ безъ вниманія и этого многознаменательнаго памятника Русской старины, который у него всегда предъ глазами на главномъ поприщѣ торговой

²⁸ Краткая Церковная Исторія, сочян. М. Платономъ. М. 1805 г., т. II, стр. 224.

²⁹ Акты Юридическіе. Спб. 1841 г., N 224.

³⁰ Путеводитель къ древностямъ и достопамяностямъ Московскимъ. (Г. Максимовича). М. 1792 г., ч. II, стр. 160,

³¹ Статистическое описаніе Москвы, составл. М. Гастевымъ. М. 1841 г., въ 8.

дѣятельности, Можетъ статья, мы увидимъ его обновленнымъ въ прежнемъ стилѣ и обнесеннымъ охранительною рѣшеткой. Если просвѣщенные иностранцы сосредоточивали на немъ свое вниманіе, то какъ же Русскимъ не дорожить имъ?

Д. Чл. И. Снегиревъ.

